

ЮЛИЯ ДРУНИНА: ПОЭТ, ФРОНТОВИК, ЧЕЛОВЕК

*Хисамутдинова Р.Р.,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания
истории и обществознания,
Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия*

Аннотация. В данной статье раскрывается образ Юлии Друниной как поэта, как фронтовика и как человека через её поэзию, которая была почти полностью посвящена военной тематике. Однако проблема войны у неё тесно переплеталась с темой любви. Военная повседневность и женская психология нашли наиболее широкое отражение во фронтовой поэзии Юлии Друниной. Её творчество можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства.

Ключевые слова: Юлия Друнина, военная поэзия, советская поэзия, Великая Отечественная война.

YULIYA DRUNINA: POET, VETERAN, HUMAN

*Hisamutdinova R.R.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания
истории
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russian Federation*

Abstract. In this article, the image of Julia Drunina as a poet, as a front-line soldier and as a person through her poetry, which was almost entirely devoted to military subjects, is revealed. However, the problem of war was closely intertwined with the theme of love. Military everyday life and female psychology found the widest reflection in the front-line poetry of Julia Drunina. Her work can be called without exaggeration the poetry of human dignity.

Key words: Julia Drunina, Military poetry, Soviet poetry, the Great Patriotic War.

У войны не женское лицо, но Великую Отечественную войну невозможно представить без участия в ней представителей слабого пола, совсем юных девушек, уходивших на фронт добровольцами прямо из школьной скамьи, из детства, чтобы защитить Родину: «Я ушла из детства в грязную теплушку, / В эшелон пехоты, в санитарный взвод», «Я пришла из школы в блиндажи сырые, / От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать». / Потому что имя ближе, чем «Россия», / не могла сыскать» [1, с. 295], «Я родом не из детства – из войны. Прости меня – в том нет моей вины...» [1, с. 276]. Когда началась война, большое количество патриотично настроенных женщин и девушек по всей стране пришли в военкоматы, желая добровольно наравне с мужчинами встать на защиту Родины: «Какие удивительные лица военкоматы видели тогда! Текла красавиц юных череда – казалось, выпал

жребий им родиться в пуховиках «дворянского гнезда», – писала позже поэт-фронтовик Юлия Владимировна Друнина [2, с. 190].

Рис. 1 *Юлия Друнина*

В войне принимало участие свыше 800 тысяч женщин, которые добровольно или по мобилизации ушли на фронт. К их числу относится Юлия Друнина. При всей романтичности своего характера, так естественно совпавшего с чистотой помыслов её ровесников, она, кажется, почти не совершала необдуманных шагов. Её порыв непременно соотносился с точным осознанием конечной цели. Но, приняв решение, она уже не отступала. Выросшая в городе, «Я – горожанка./ Я росла, не зная,/Как тонет в реках/ Медленный закат./ Росистой ночью,/ Свежей ночью мая/ Не выбегала я в цветущий сад» [1, с. 289], в интеллигентной московской семье (отец – учитель – «преподавал он физику ребятам» [2, с. 289], мать – библиотекарь), она вопреки воле родителей девчонкой в 18-летнем возрасте со школьной скамьи летом 1942 года ушла добровольцем на фронт. «Бросив книги и карандаш, встала девочка с парты этой и шагнула в сырой блиндаж» [1, с. 18], «Напрасно дочек умоляют дома, уж не властен материнский взгляд – у райвоенкоматов и райкомов тургеневские девушки стоят» [2, с. 190]. После тяжёлого ранения – осколок едва не перерезал сонную артерию, прошёл в двух миллиметрах от неё – эта тоненькая девочка с глазами кинозвезды, так похожая на Любовь Орлову, снова ушла на фронт добровольцем. Под обстрелы. В холод и грязь [4, с. 177].

Именно в военные годы начинается творческий путь кумира нескольких читательских поколений Советского Союза Юлии Друниной. Её творчество можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. Это тот редкий случай, когда поэт пишет, как живёт, и живёт, как пишет. В её стихах нет зазора между автором и лирическим героем, между лирическим признанием и реальной жизнью. Военная тема постоянно занимает главное место в её творчестве. До конца своих дней старшина медицинской службы,

сама не избежавшая двух ранений, Друнина ощущала себя «связной между теми, кто жив и кто отнят войной». Поэтому даже в её многочисленных стихах о любви так часто возникает тема войны... Со временем у неё появляется всё больше стихов о любви, но значительная их часть тоже так или иначе переплетена с темой войны. «Всё просят девочки:/– Прочтите о любви! – /Все просят мальчики: /– Прочтите о войне! – /Но эти ипостаси, /Как ручьи, /В одну реку /Давно слились /Во мне... /Читаю о любви – /Там про войну. /Читаю о войне – / Там про любовь...» [1, с. 21].

Военную повседневность и психологию женщины на войне невозможно представить без фронтовой поэзии Юлии Друниной. Её первая военная дорога пролегла в Подмосковье, когда 17-летняя Юля, окончившая курсы медсестёр, но отправленная из столицы на рытьё окопов, во время вражеского авианалёта потерялась, отстала от своего отряда, оказалась в окружении, откуда выходила почти месяц с остатками одного из изрядно потрёпанных пехотных полков. Через два года на госпитальной койке она напишет стихотворение о том, что она испытала в те дни. Признаётся, что сначала оно получилось необычайно длинным, но в окончательном варианте осталось знаменитое классическое, навсегда вписанное в русскую поэзию, словно на медали отчеканенное, четверостишие девятнадцатилетней Ю. Друниной, написанное на фронте в 1943 г.: «Я только раз видала рукопашный, раз – наяву и сотни раз во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне» [1, с. 294]. Здесь всё – правда, всё – о себе, никаких мистификаций и художественных вымыслов.

Я думаю, то, что летом 1941 г. испытала при выходе из окружения, она отразила и в строках стихотворения «В сорок первом»: «Мы лежали и смерти ждали – /Не люблю я равнин с тех пор.../Заслужили свои медали/ Те, кто били по нас в упор, –/ Били с «мессеров» как в мишени» (1970 г.) [1, с. 154].

И вот на фронт прибывают девушки, робкие, невинные, только что от мамы: «Худенькой нескладной недотрогой я пришла в окопные края, и была застенчивой и строгой полковая молодость моя», «В семнадцать лет, кочуя по окопам, я увидела Родину свою», – напишет Юлия Друнина [1, с. 295, 273; 2, с. 10, 36]. Своё участие в войне она считала не заслугой, а удачей: «Нет, это не заслуга, а удача – стать девушке солдатом на войне, когда б сложилась моя жизнь иначе, как в День Победы стыдно было б мне» [1, с. 273, 278, 293; 2, с. 36]. «Стыдно было б мне» – эта фраза красной нитью проходит в воспоминаниях многих фронтовиков.

Она описывает, какое напряжение испытывали молодые девчонки, влюблённые в книги, звёзды, тишину, когда им приходилось «побледнев, стиснув зубы до хруста от родного окопа» оторваться и «бруствер проскочить под обстрелом должна...» [1, с. 25], чтобы оказать помощь раненым. «И за то, что снова до утра смерть ползти со мною будет рядом, мимоходом: – Молодец, сестра! – крикнут мне товарищи в награду. Да ещё сияющий комбат руки мне протянет после боя: Старшина, родная, как я рад, что опять осталась ты живою!» [2, с. 27], «Четверть роты уже скосило.../Распростёртая на снегу, /Плачет девочка от бессилья, /Задыхается:

«Не могу!/Тяжеленный попался малый, /Сил тащить его больше нет.../(Санитарочке той усталой /Восемнадцать сравнялось лет.)» (1973 г.), [2, с. 184]. «Её величают «сестрицей /Те, которых она волокла/На горбу./Проклинаю судьбу./Сквозь пожар и пальбу» (1970 г.) [2, с. 158].

В фронтовых условиях невозможно было так обустроить свой быт, чтобы было тепло, уютно. Для женщин на фронте, как правило, существовали отдельные женские землянки, жили в них по 4-5 человек. «Только что пришла с передовой, мокрая, замёрзшая и злая, а в землянке нету никого, и дымится печка, затухая» [2, с. 27], «Показалась могилой / Землянка в четыре наката. / Умирала печурка. /Под ватник забрался мороз...» [2, с. 210]. Спали в землянках на деревянных нарах, на которые был накидан лапник, сено. Плащ-палатка служила простынёй, а накрывались шинелью. А чаще «сырой окоп – солдатская постель, а одеяло – волглая шинель. Укрылся как положено солдат: пола шинели – под, пола шинели - над» [2, с. 124].

Разбитые фронтовые дороги остались в памяти у фронтовиков, когда даже буксовали тракторы и тягачи. «Сквозь туман, сквозь дождей пелену батальоны идут на войну. Грозен топот тяжёлых сапог по грязище разбитых дорог» [2, с. 26].

У молодёжи юность была опалена войной: «Нет, это горят не хаты – /То юность моя в огне...» [2, с. 9]; «Нет, /В гимнастёрках, /Не в капронах/ И не на танцах, /А в бою, / В снегах, войною опалённых, /Ты /Юность встретила свою» (1960 г.) [2, с. 104], «Паренёк уходил на войну,/Покидая родную страну, – /В это время бои уже шли /За кордонами русской земли.../ Но случилось, что юность свою /Он отдал в самом первом бою» (1960 г.) [2, с. 109]. «Убивали молодость мою /Из винтовки снайперской. / В бою, /При бомбёжке / И при артобстреле.../ Возвратилась с фронта я домой /Раненой, но сильной и прямой –/ Пусть душа едва держалась в теле» [1, с. 36].

И молодые ребята, и молодые девчата, добровольцами и по мобилизации уходившие на фронт сразу после окончания школы, были очень похожи друг на друга. «Идут по войне девчата, / Похожие на парней» [2, с. 9], «Подстриженная под мальчишку, / Была я похожа на всех. / Похожа на школьников тощих, / Что стали бойцами в тот час» [1, с. 290], «Шинель до пят, обрита голова, до красоты ли тут, до щегольства» [2, с. 125].

Девчонки молодые, которые вынесли все тяготы солдатской жизни, после войны не понимали, как они это смогли выдержать. «До сих пор не совсем понимаю, как же я, и худа, и мала, сквозь пожары к победному Маю, в кирзачах стопудовых дошла» [1, с. 279]. «Я не привыкла, чтоб меня жалели, я тем гордилась, что среди огня мужчины в окровавленных шинелях на помощь звали девушку – меня...» [2, с. 90]. Но иногда их тоже покидало мужество: «Формировки,/ Походы, /Сраженья./ Как положено на войне.../Поздней осенью /В окруженье / Изменило мужество мне. /На повязке – алые пятна. /У костра меня бьёт озноб. / Я сквозь зубы сказала:/ – Понятно. / Положенье – Хоть пулю в лоб. / Что же, товарищи, /Отвоевались.../Хватит! / Больше идти не могу!.../ И такая, такая усталость, / Так уютно на первом снегу... / Наша

рота пошла в наступление, / Все сметал орудийный шквал./ И седой командир отделенья/ Меня на руки бережно взял. / Плащ-палатка, как чёрные крылья, /Развевалась за ним на ходу. / Но рванувшись, / Глухо, / С усилием, / Я сказала: / – Сама пойду!» (1952 г.) [2, с. 59-60].

Усталость от войны была у всех, но наиболее остро ощущали это девушки. «Новогоднюю ночь/Третий раз я на фронте встречала. /Показалось – конца/ Не предвидится этой войне. /Захотелось домой, /Поняла, что смертельно устала./ (Виновато затишье – /Совсем не до грусти в огне!)». Насколько ребята-мужчины пытались скрасить опасную, однообразную, тяжёлую фронтовую жизнь девушек, насколько они их жалели как своих сестрёнок, свидетельствует стихотворение Ю. Друниной «Ёлка», когда ребята из ротной разведки решили устроить ей праздник и принесли с боевого задания ёлку. «Не игрушки на ней,/А натёртые гильзы блестели, /Между банок с тушёной /Трофейный висел шоколад.../Рукавицею трогая /Лапы замерзшие ели, /Я сквозь слезы смотрела/ На сразу притихших ребят», «Я зарылась лицом /В эти детством пропахшие ветки.../Вдруг обвал артралёта/ И чья-то команда: ложись!/ Контратака!/Пробил санитарную сумку осколок, /Я бинтую ребят/ На взбесившемся чёрном снегу...». В её памяти осталась именно эта ёлка. «Сколько было потом/ Новогодних сверкающих ёлок!/Их забыла, а эту /Забыть до сих пор не могу...» (1976 г.) [2, с. 211-212].

Женщинам в силу их эмоциональности пережить смерть любимого человека, близких друзей, подруг было намного сложнее, чем мужчинам: «Машенька, связистка, умирала на руках беспомощных моих», «Девочка в шинели уходила от войны, от жизни, от меня. Снова рыть в безмолвии могилу, комьями замёрзшими звеня», «Мы не ждали посмертной славы, Мы хотели со славой жить... Почему же в бинтах кровавых Светлокосый солдат лежит», «А вечером над братскою могилой с опущенной стояла головой... Не знаю, где я нежности училась, – быть может, на дороге фронтовой...», «В пухлой белой перине лежат батальоны убитых солдат. Если даже вернётся весна, что для них может сделать она» [2, с. 148, 21, 41, 26].

Надо понимать, что основную часть Красной армии составляла молодёжь, поэтому между молодыми людьми вспыхивала любовь, иногда на всю оставшуюся жизнь. «Ко мне в окоп/ Сквозь минные разрывы / Незваной гостьюей / Забрела любовь. / Не знала я, /Что можно стать счастливой / У дымных сталинградских берегов» [1, с. 25]. «В почерневшей степи Приднепровья, /Где сады умирали/ В орудийном огне, /Наградил меня Бог / Настоящей любовью, /Ведь бывало и так на войне» [1, с. 57]. «Ждала тебя. И верила. И знала: Мне нужно верить, чтобы пережить Бои, походы, вечную усталость, Ознобные могилы-блиндажи» (1943 г.) [2, с. 13]. С войны сохранилась любовь к никогда не называемому по имени погибшему Комбату. «В почерневшей степи Приднепровья, /Где сады умирали / И дымился металл, /На бегу, /Захлебнувшись кровью, /Мой любимый / Упал...» [2, с. 57]. «Отчего же такая стужа, /Словно кто-то не верит в май? /Словно я перестала верить, /Что в одну из весенних дат/ Неожиданно охнут двери / И, бледнея, войдёт солдат» (1945 г.) [2, с. 37], «Жизнь, скажи, разве я виновата, / Что на чёрный

запекшийся снег, / Как подкошенный рухнул когда-то, / Уронив пистолет, человек?/... С новой болью я снова пойму, / Что тебя мне никто не заменит, / Что верна я тебе одному» (1971 г.) [2, с. 164]. «Над ними ветра и рыдают и пляшут, / Бормочут дожди в темноте. / Спят наши любимые, мальчишки наши, / А нас обнимают не те... Одни – помоложе, другие – постарше. / Вот только ровесников нет. / Спят наши ровесники, воины наши – / Им всем по семнадцати лет» [1, с. 282].

Несмотря на все испытания, которые выпали им на долю, эти совсем юные девушки сумели сохранить любовь и доброту к ближнему, к окружающей среде. «Я мальчиков этих жалела, как могут лишь сёстры жалеть» [1, с. 290], «Раз пробираясь партизанской тропкой, я поняла навек, что мы должны быть добрыми к любой травинке робкой» [1, с. 276].

Многие фронтовики в своих воспоминаниях и в интервью говорили о том, что перед боем наступала такая тишина, что слышно было абсолютно всё. Об этом очень ёмко сказала в своих стихах Юлия Друнина: «За минуту до боя очень тихо в траншее, за секунду до боя очень жизнь хорошеет. Как прекрасна травинка, что на бруствере, рядом! Как прекрасна!... Но тишь разрывает снарядом» [2, с. 88].

Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды. Не раз слышала от фронтовиков, что «на войне не бывает безбожников». Об этом написала Юлия Друнина в стихотворении «В сорок первом»: «Мы лежали и смерти ждали – / Били с «мессеров», как в мишени/..От отчаяния мы палили/(Все же легче чем так лежать)/По кабинам, в кресты на крыльях,/Просто в господа бога мать.../И молились мы, атеисты, /Чтоб нагрянули ястребки» [2, с. 154].

Удивительно, что в стихах Друниной нет никакого пафоса, театрального героизма. Не случайно, когда снимался советский фильм «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности, правдивости и чтобы достоверно войти в образ своих героинь – девчонок-солдат, читали со слезами на глазах военные стихи Друниной. Из её строк можно с фотографической точностью узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю наших матерей, которых теперь уже почти и не осталось в живых, а тогда, в общем-то, ещё совсем дети, какой страшной беде заглянули в глаза: Целовались./Плакали/ И пели./ Шли в штыки./И прямо на бегу/Девочка в заштопанной шинели/Разбросала руки на снегу (1944 г.) [1, с. 24]. Как прекрасна, как естественна эта вроде бы ничего страшного не предвещающая интонация первых строк: «Целовались. Плакали и пели...». И рядом, на стыке, на грани сознания безумия, всего два слова, от которых холодеет в жилах кровь: «Шли в штыки». Ещё страшнее, что это вывела на бумаге женская рука.

А достоверность этих стихов ещё и в том, что Юлия Друнина была награждена ни много ни мало орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих двух наград на войне, не каждый мужчина удостоивался такого признания ратных заслуг.

Каким мужеством и человеческой смелостью надо было обладать молодой девушке, чтобы первой в 1944 г. поднять тему о штрафниках и написать свой «Штрафной батальон» – не каждый бы сумел отважиться. О «штрафных батальонах» наша литература заговорила лишь в 1960-е годы [3, с. 347].

Штрафной батальон

Дышит
В лицо
Молдаванский вечер
Хмелем осенних трав.
Дробно,
Как будто цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.
Мечется степь –
Узорный,
Жёлто-зелёный плат.
Пляшут,
Поют платформы,
Пляшет,
Поёт штрафбат.
Бледный майор
Расправляет плечи:
– Хлопцы,
пропьём
Свой последний вечер! –
Глух паровозный крик.
Красное небо летит навстречу –
Поезд идёт
в тупик...

1944 г.

Осенью 1944 г. снова ранение и контузия. На полгода Юлию Друнину признают негодной к несению военной службы. И как раз через полгода окончилась война.

К этому времени Друнина уже стала студенткой литинститута. Просто выписавшись из госпиталя, пришла в середине учебного года в аудиторию и села среди первокурсников. Это вызвало смятение в учебной части, но никто не решился выгнать инвалида войны, награждённого орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Юле даже назначили стипендию.

Как вспоминает её первый муж поэт Николай Старшинов, Юля по редакциям не ходила, даже не знала, где многие из них находятся, и кто в них заведует поэзией. Лишь иногда, услышав, что я или кто-то из студентов собирается пойти в какой-нибудь журнал, просила: «Слушай, занеси заодно и мои стихи...». А между тем её фронтовые стихи, прочитанные на литературном

объединении при издательстве «Молодая гвардия», которым руководил прекрасный поэт и человек Дмитрий Кедрин, а потом и появившиеся в журнале «Знамя», произвели сильное впечатление в конце войны и сразу после её завершения. В 1948 г. вышел сборник «В солдатской шинели», Друнину приняли в Союз писателей [2, с. 7].

Юлия Друнина, говоря о тех людях, которые спасли мир от коричневой чумы XX столетия, пишет о том, что для участников войны жизненные ценности коренным образом поменялись, т.к. они видели смерть своих близких друзей, товарищей. Для них материальные ценности большую роль не играли: Я принесла домой с фронтов России/ Веселое презрение к тряпью – / Как норковую/ шубку я носила/ Шинельку обгоревшую свою. / Пусть на локтях топорщились заплаты, / Пусть сапоги протёрлись – не беда! /Такой нарядной и такой богатой / Я позже не бывала никогда...» [1, 288]. На следующий день после победного салюта, 10 мая 1945 года Юлии Друниной исполнился 21 год, но пережито было уже много: «Шли девчонки домой/ Из победных полков./Двадцать лет за спиной/ Или двадцать веков?/Орден на груди все же меньше, чем ран./ Вроде жизнь впереди,/ А зовут «ветеран» [2, с. 155], и если чего и стеснялась она тогда (ни в коем случае не стыдилась), то «стоптанных сапог и своей шинели переметой, пропылённой пылью всех дорог» [1, с. 271]. Представители фронтового поколения родились второй раз в День Победы: «Мы родились два раза. / И вторым был День Победы – / Как забудешь это? – / И с той поры, далёкой той поры /Нет для меня святее даты, нету! / Все наши праздники люблю и чту. /Но День Победы – это День Победы. / Душа летит в такую высоту – /Летит за невернувшимися следом...»[1, с. 33].

Любовь к Родине, любовь к России звучит во многих стихах Юлии Друниной; «О Россия! /С нелёгкой судьбою страна.../ У меня ты Россия, / Как сердце одна. / Я и другу скажу, / Я скажу и врагу – / Без тебя, / Как без сердца, / Прожить не смогу...» [1, с. 17].

Говорят, что причиной добровольного ухода из жизни было одиночество Друниной. Однако это – не вся правда, по мнению Г. Красникова[1, с. 310]. В посмертной записке она скажет: «Почему уйду? По-моему оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий, личный тыл...». «Личного тыла», конечно, не было. После смерти своего мужа А. Каплера она до последнего своего рокового дня – 21 ноября 1991 года – так и не смогла заполнить зияющую пустоту в своём доме и сердце, потерявшем причал в другом родном сердце. Но причина всё-таки не только в этом. Она болезненно переживала события, которые происходили в стране, и распад СССР. В стихотворении «Заслуженный отдых» она пишет о ветеранах Великой Отечественной войны, вынужденных просить милостыню в подземных переходах: «Ветераны в подземных /Дрожат переходах. /Рядом старый костыль /И стыдливая кепка. /Им страна подарила/ «Заслуженный отдых», /А себя пригвоздила/ К бесчестию крепко. /Только как позабуду/ Отчаянных, гордых. /Молодых лейтенантов, /Солдатиков юных?.../Тихо плачут

монетки / В кепуре помятой. /Кепка с медью – /Осиновый кол на могиле, /Над могилою юности нашей /Распятой...» [1, с. 161]. Юлия Владимировна слишком осознанно и обдуманно готовила свой гибельный поступок. Об этом свидетельствуют её последние стихи («Мне сегодня бессонной ночью, Показалось, что жизнь прошла...», «Живых в душе не осталось мест... И крест поставить я не могу, И жить не смогу с тоскою...»). Но главные строки об этом в прекрасном (одном из последних) стихотворении «Судный час»:

...Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

Она уходила «с поля боя», где чувствовала себя одинокой в окружении предательства. Красавица, настоящий, а не «надувной» кумир нескольких читательских поколений, она могла прожить вполне счастливую жизнь. Но когда рухнула её страна, когда были преданы идеалы, за которые отдавала жизнь её юность, – она перестала чувствовать себя связанной (Я порой себя ощущаю связанной, Между теми, кто жив, И кто отнят войной...). Как пишет Г. Красников: «Связь времён и даже эпох распалась. Всё было не просто забыто, а бессовестно, грубо и цинично брошено на поругание и осмеяние».

Последние её стихи, написанные незадолго до самоубийств, начинались словами: «Безумно страшно за Россию...» [1, с. 311].

А свои решения она привыкла выполнять. Это не случайная вспышка отчаяния. Всё было предусмотрено и продумано до мелочей. Она написала едва ли не десять писем: дочери, внучке, зятю, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. В письмах никого ни в чём не винила. Всё было учтиво, всё было благородно и красиво.

Как поэт, как женщина, как человек Юлия Друнина была любима и обожаема в самых разнообразных читательских аудиториях Советского Союза. Радует то, что интерес к её стихам возрождается у молодёжи и в современной России.

Источники и литература:

1. Друнина Ю.В. Есть время любить: Стихотворения. – М.: Эксмо, 2008.
2. Друнина Ю.В. За минуту до боя. – М.; АСТ: Астрель, 2012.
3. Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы): военно-исторические очерки. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2014.
4. Хисамутдинова Р.Р. Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие к лекционному курсу. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2015.

Referenses

1. Drunina Ju.V. Est' vremja ljubit': Stihotvorenija. – M.: Jeksmo, 2008.
2. Drunina Ju.V. Za minutu do boja. – M.; AST: Astrel', 2012.
3. Hisamutdinova R.R. Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza (1941-1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki. – Orenburg: izd-vo OGPU, 2014.
4. Hisamutdinova R.R. Sovetskij Sojuz nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: uchebnoe posobie k lekcionnomu kursu. Orenburg: izd-vo OGPU, 2015.